

Через полчаса тетя пришла без крика и с легким чувством вины, потому что забыла о чуде, живущем в чулане. - Выходи, мальчик. - она удивилась, что ничего не почувствовала. Она открыла дверь, зажимая пальцами нос и с отвращением оглядываясь по сторонам, а потом очень удивилась.

Гарри притворился слабым и, спотыкаясь, вышел, закрыв глаза от яркого света снаружи, пошел в ванную и наложил магглоотталкивающее заклинание на дверь. Мгновение спустя он услышал, как тетя спускается вниз, что-то смущенно бормоча себе под нос.

Гарри горько усмехнулся. Как много он страдал, и все потому, что чертов Альбус Дамблдор думал, что слава Гарри ударит ему в голову. Гарри тогда взорвал и уничтожил несколько предметов в кабинете директора, только в то время это был кабинет директрисы, и он наполовину сжег портрет Дамблдора, когда узнал об этом.

Дамблдор спокойно сказал ему, что несколько недель в году сделали бы свое дело, но он не хотел, чтобы Гарри стал жертвой славы. Гарри недоверчиво уставился на него и добрых полчаса твердил ему, что непостоянная слава была бы для него гораздо лучше, чем унижительный опыт жизни с Дурслями.

Дамблдор был потрясен. Он знал, что жизнь Гарри была далеко не идеальной, но сильное горе Гарри глубоко ранило его. Конечно, это ничего не изменило в тот день, когда на стене появился портрет Снейпа.

Он долго стоял под душем и пускал горячую воду. Легкий щелчок его руки обеспечил, чтобы вода оставалась горячей все время. Затем Гарри намочил свою грязную вонючую одежду, взмахнул рукой, благословляя свою способность колдовать без палочки, и посмотрел, как она стирается и сушится сама по себе.

Гарри выключил душ, снял заклинание с насадки для душа, который нагревал воду, когда она разбрызгивалась, и вытерся, наколдовав красивое полотенце. Затем он оделся, с отвращением глядя на свое тощее и изголодавшееся тело, оделся в потрепанные, но гораздо более чистые лохмотья Дадли и отменил магглоотталкивающее заклинание.

Через три минуты тетя с визгом вошла и увидела Гарри, очень маленького и усталого, сидящего на унитазе. Она крикнула ему, чтобы он вышел, указала на кухню, поставила тарелку с двумя ломтями хлеба, очень тонким куском ветчины и черствым сыром и велела ему взять стакан воды из-под крана.

Гарри молча сделал все, что она сказала, и съел очень мало еды; он нахмурился, склонив голову над своей тарелкой, и понял, что должен что-то с этим сделать. За двадцать с лишним лет он привык к хорошей еде и с трудом мог проглотить эту дрянь без рвоты.

Но до этого он должен был позаботиться о своем письме из Хогвартса, которое должно было прийти через несколько дней.

Гарри покончил с едой и легким движением руки заставил тетю отправить его в чулан на весь остаток дня. Там Гарри наколдовал горячую чашку хорошего кофе и с магглоотталкивающим заклинанием сел, чтобы подумать о своих детях и хорошей жизни, которую он потерял.

Медленно потягивая кофе, Гарри понял, что на этот раз все будет по-другому по целому ряду причин. Он знал о будущем, которое уже было написано, и он также знал обо всех смертях, которые произойдут, поэтому его долг был сделать все возможное и предотвратить эти смерти, насколько он мог, и, что более важно, также убедиться, что, поскольку судьба была обманута, потеряв полученные жизни всех этих людей, которые умрут в ближайшие семь лет, она не заберет новые.

Он знал, что, изменив судьбу, он снова рискует попасть в неизвестность, и он не будет к этому готов, потому что последствия будут другими и даже пугающими; но это не позволит ему дать Сириусу томиться в тюрьме или позволить Снейпу убить Дамблдора или Барти Краучу-младшему убить своего отца и сделать портал из Кубка Трех Волшебников и обеспечить смерть Седрика.

Именно это и пугало Гарри. В тот момент, когда он изменит хоть что-то, даже если Хагрид придет за ним, он шагнет в неизвестность. Но только потому, что это было неизвестное, он не мог позволить Сириусу сгнить в Азкабанах и позволить всем умереть, чтобы Гарри мог вернуть свою жизнь.

Его губы невесело скривились; выбор был так легок; судьба снова сказала ему, что он не заслуживает того счастья, которое имел, или контроля над собственной жизнью. Она не хотела ни того, ни другого для Гарри и поэтому снова втянула его в эту неразбериху.

Он еще раз проклял себя за то, что вернулся во времени и должен сделать все то, что сделал еще раз. Он уже не был прежним Гарри; он не знал, как, во имя всего святого, подружиться с Роном, а потом с Гермионой, а потом и с Джинни.

Гарри застонал, убирая свою чашку и ложась в чулане. Он чувствовал себя таким беспомощным и таким неуверенным - два чувства, которые он почти забыл за долгие годы размеренной, спокойной и довольной жизни.

Слезы подступили к его глазам и снова потекли, когда он понял, к чему приведут его действия: неуверенность в будущем и почти уверенное осознание того, что его дети - часть его памяти и ничего больше. Если бы только он мог быть уверен, что на этот раз они с Джинни тоже сойдутся вместе, и появятся Джеймс, Альбус и Лили, Гарри знал, что он пойдет по горячим углям, столкнется с Вола-де-Мортом еще три раза, с его крестражами, если точнее.

Но он не был уверен. Он не знал, как одиннадцатилетний Гарри, которому на самом деле скоро исполнится сорок один год, будет ухаживать за Джинни и жениться на ней. У него вырвалось рыдание. Он был так растерян, что не знал, что и думать.

Он ведь был так счастлив.

Гарри отоспался, проснулся около обеда и снял магглоотталкивающее заклинание.

Через десять минут тетя открыла ему дверь и строго сказала, что он может выйти из чулана, но чтобы никаких фокусов. Гарри молча кивнул и пошел на кухню готовить ужин.

Пока он накрывал на стол, в комнату вперевалку вошли Вернон и Дадли, и Гарри впервые за двадцать лет увидел их. Он не понимал, что смотрит, пока дядя не рявкнул на него.

- Почему ты так пялишься, мальчик?

- Ничего, дядя. Я прошу прощения. - машинально пробормотал Гарри. Очевидно, все эти годы не стерли первые жалкие десять лет его жизни.

Гарри осторожно огляделся, прошел на кухню, сел в одиночестве и съел жалкую еду, которую дала ему тетя.

- Могу я налить себе стакан воды из кухонного крана? - очень тихо спросил Гарри.

Он получил кивок, прежде чем его тетя вернулась к укладке еды на огромную тарелку Даддли, и Гарри, которого тошнило от количества еды на этой тарелке, быстро ушел.

Первое, что решил Гарри, когда убирался; на самом деле они убирались сами, Гарри только держал руки в мыльной воде, - это убедиться, что он получит свое письмо из Хогвартса без суеты, без драмы и особой речи своей тети, как в прошлый раз.

Имея это в виду, Гарри поискал в уме несколько заклинаний и, наконец, придумал комбинацию из трех заклинаний, которая заставила бы Дурслей очень хотеть отправить его в Хогвартс.

Ему нужно было заколдовать только Петунью и Вернона, Дадли ничего не знал о мире магии и поэтому он не будет включен в план. Он даже перестал называть их тетей и дядей, когда ему было лет девятнадцать. Гарри нахмурился.

Он вошел в гостиную и первым делом наложил на Петунью свои три заклятия, но, внезапно передумав, наложил на Вернона только чары послушания и легкого принуждения. Она повернулась, чтобы нахмуриться на него за то, что он осмелился пройти через гостиную, где отдыхала ее семья, и ее хмурость исчезла, когда она увидела, что Гарри направился прямо к чулану.

Затем ее, очевидно, осенила другая мысль, и ее глаза расширились. - Мальчик. - громко позвала она.

- Да, тетя Петунья? - Гарри стоял почтительно.

- Сколько тебе сейчас?

- В июле мне исполнится одиннадцать лет, тетя Петунья.

Ее глаза сузились, и она прогнала его прочь, чтобы тот вернулся в чулан. Гарри вошел, наложив на гостиную подслушивающее заклинание. Он сел и наколдовал себе чашку холодной воды; после сухой еды, которую ему пришлось съесть, ему хотелось только воды, и, медленно потягивая ее, он прислушивался к разговору в гостиной.

- Дадли, милый, почему бы тебе не пойти на кухню, где мама испекла хороший шоколадный торт для моего любимого Дадли? Ты можешь посмотреть там телевизор.

Дадли не ответил бы, если бы не шоколадный торт. Он что-то проворчал в ответ, встал и заковылял к кухонному столу. Похоже, его мать чрезвычайно гордилась тем, что ее любимый сын послушал ее. Она проигнорировала тот факт, что именно шоколадный торт заставил Дадли реагировать так разумно и послушно.

Гарри фыркнул и нахмурился, слушая тетю. Как ему было больно, как он чувствовал себя ненужным и сбитым с толку тем, что его тетя, сестра его матери, обращалась с ним как с работником. Ну, не в этот раз. Гарри сердито покачал головой и прислушался, как тетя начала что-то шептать дяде.

- Вернон, отложи телевизор, я хочу обсудить кое-что, что поможет нам сбить Поттера с рук аж на десять месяцев в году, - настойчиво прошептала она, не понимая, что до этого момента они оба решили сделать все, чтобы Гарри не был волшебником, они, если понадобится, даже выбьют магию из своего причудливого племянника.

- Что такое, любовь моя? - спросил Вернон.

- Поттеру одиннадцать. Она тоже получила письмо, когда ей было одиннадцать. Я не думаю, что эта болезнь может быть излечена нами, Вернон. Если мы позволим Поттеру уехать в его причудливую школу, то он будет там десять месяцев в году, а после семи лет он будет здесь только один год, пока ему не исполнится восемнадцать, а затем он исчезнет из нашей жизни навсегда. Это, конечно, лучше, чем держать его здесь и прятать от соседей. На днях он получит письмо. Я предлагаю сказать ему, чтобы он уходил.

Несколько минут Вернон молчал, заставляя Гарри вспотеть. Может быть, он неправильно наложил заклинание, подумал он, застонав, когда Вернон заговорил.

- Это лучшая идея, которую ты придумала. Мы сделаем это, и не нужно говорить Дадли об этом сейчас. Или даже этому проклятому мальчишке. Мы ему скажем об этом очень небрежно, как будто это не имеет большого значения, и скажем ему уйти. Как тебе?

- Прелестно. - и Гарри отменил заклинание, когда услышал звуки поцелуев и легкий стон Вернона. Ему не нужны эти образы, ради Мерлина, подумал он и содрогнулся.

<http://tl.rulate.ru/book/54141/1382870>